

Пролог

На реке Циньхуай всегда найдется имя, ставшее символом времени. После Чэнь Юаньюань была Лю Жуши, после Лю Жуши — Дун Сяовань. Эти имена, способные погубить города и страны, всегда сопровождали войны и смену эпох, но при этом словно парили над мирской суетой, оставаясь в стороне от потрясений. Они были как лунный свет над павильонами с ивами, как эхо песен, доносящееся из-под веера с узором персиковых цветов. Они слились в неспешное течение реки Циньхуай, изящно омывая взлеты и падения династий Мин и Цин, каждую ночь одаривая их роскошью пиров и звуками музыки.

Грохот оружия затихает, но река Циньхуай не умолкает никогда.

К эпохе Китайской Республики самым громким именем на реке стало имя Бай Лушэна. Не было человека в артистических кругах, кто не знал бы его прославленного имени. Между известным актером и знаменитой куртизанкой все же есть разница: мало быть красивым, нужно еще и мастерски петь. Бай Лушэн был поистине хорош собой и обладал тонким певческим даром. Поэтому, хоть он и не был женщиной, он затмил всех красавиц переулка Дяоюй и, став единоличным кумиром циньхуайских ночей, превратился в новую визитную карточку реки.

Его жизнь была легендарной, и в ней было столько удивительного — как в прошлом, так и в будущем, — словно в румянах, плывущих по водам Циньхуай: не видно ни начала пути, ни его конца. В то время Яо Юйфу, приехав в Нанкин, тоже побывал на нескольких его выступлениях в театре Дяюэтай. Сначала он просто хотел развлечься, но чем дальше, тем больше изумлялся, приговаривая: Как такой талант мог застрять на юге? Ему давно пора в Бэйпин!

Яо Юйфу был мэтром театрального искусства, всю жизнь умевшим распознавать таланты. Узнав, что этот господин Бай еще совсем молод, он загорелся желанием взять его под свое крыло. Он лично отправился за кулисы и прямо спросил: Сегодня я услышал ваше пение, и оно меня по-настоящему поразило. Я хочу взять вас в ученики, с руководителем труппы я уже обо всем договорился, теперь дело только за вашим согласием. Вы согласны?

В театральном мире процветали клановые связи. Яо Юйфу происходил из именитой семьи и был старше Бай Лушэна на добрый десяток лет. Он был наставником, а Лушэн — младшим. Когда мастер сам предлагает ученичество, это одновременно и поддержка, и признание. Но Бай Лушэн не сказал ни да, ни нет, лишь загадочно улыбнулся, плотно сжав губы.

Яо Юйфу решил, что тот, возможно, просто не узнал его: Вы не знаете, кто я такой?

Бай Лушэн отступил на два шага и почтительно поклонился: Вы — лучший ученик почтенного мастера Чэня и младший брат господина Мэя, первый человек в нашем искусстве. Пусть мы лишь мелкие птицы, но и мы знаем ваше славное имя.

Сказано это было изящно, чувствовалось, что человек образован. Юйфу проникся к нему еще большим уважением и улыбнулся: Раз вы знаете, кто я, почему же отказываетесь? Стать моим

учеником — это не умаляет вашего достоинства!

Увидев его улыбку, Лушэн ответил нежной, сладкой улыбкой: Господин Яо, ваше пение знает весь мир. Стать вашим учеником — это было бы для меня величайшим счастьем. Но позвольте задать дерзкий вопрос: вы собираетесь забрать меня на север или останетесь в Нанкине навсегда?

Вопрос показался странным, и Юйфу невольно рассмеялся: Я вижу, вы во всем разбираетесь и сцену знаете. В наше время какой прославленный актер не стремится в Бэйпин или Тяньцзинь? Не бывает так, чтобы учитель и ученик жили в разных местах, конечно, я заберу вас в Бэйпин.

На месте другого человека, получив такое предложение, все бы уже на коленях ползали от радости, но Бай Лушэн мягко и твердо ответил: Тогда прошу прощения, я не могу принять ваше предложение. Я останусь здесь, никуда не поеду.

Что это значит? Не хочу хвастаться, но в Бэйпине я гарантирую вам оглушительный успех. Тот размах, что у вас есть в Нанкине, в Бэйпине покажется вам сущим пустяком, вы такого и не видели.

Руководитель труппы, стоявший рядом, заволновался: Ребенок, как ты можешь быть таким неразумным! Господин Яо — человек какого уровня, он снизошел до тебя, не ломайся!

Юйфу, видя, что тот не кокетничает, ласково остановил руководителя: Не ругайте его, пусть сам ответит.

Бай Лушэн посмотрел на руководителя, затем снова поклонился Яо Юйфу — на этот раз уже по-мужски. Выпрямившись, он снова заговорил тихим, вкрадчивым голосом: В нашем деле кто-то ищет славы, а кто-то — лишь понимания. Как говорится, у каждого свои устремления. Оглушительный успех, конечно, вызывает зависть, но я к нему не стремлюсь. Если вы, господин, решите задержаться в Нанкине, я буду почитать вас как учителя, даже если это продлится всего один день. Но если вы хотите увезти меня в Бэйпин, значит, нам не судьба быть вместе.

Неужели ваше стремление — не прославить театральное искусство, а лишь найти того, кто поймет вашу музыку, подобно древним мудрецам? Юйфу, услышав его наивные слова, не рассердился, а скорее захотел рассмеяться: Вы еще не знаете, как велик этот мир. Когда вы прославитесь, весь мир станет вашим слушателем, и эти один-два человека, что сейчас вас понимают, покажутся сущим пустяком.

В этих словах не было ничего предосудительного, но Бай Лушэн, словно задетый за живое, вдруг застеснялся. Помолчав, он поднял голову: Вы правы, господин. Но родственную душу найти так трудно. Мне не нужно, чтобы меня знали тысячи, достаточно одного, чтобы меня понимал.

Его голос становился все тише, но в нем слышалась мягкая, стальная решимость: Слава — это не то, чего я ищу. Благодарю за ваше расположение, но, надеюсь, вы не будете в обиде.

Это было слишком своевольно, но он был так красив, а голос его звучал так мягко, что Яо Юйфу просто не мог на него злиться. Он посмотрел на юношу — тому было всего пятнадцать. Грим еще не был смыт, но даже под толстым слоем белил проглядывали тонкие, изящные черты лица. Красота без грамма пошлости. Как говорят в пьесах: брови словно весенние горы, глаза — осенние воды. Глядя на его искренний и преданный взгляд, Юйфу вдруг все понял.

Вернувшись в Бэйпин, он однажды упомянул об этом ребенке. Собеседник рассмеялся: Ты столько лет прожил на севере, что не знаешь дел на юге. Других не знаю, а про этого Бай Лушэна слышан. Видал я много капризных звезд, но такого упряма — никогда. И надо же было тебе его встретить! Тот, кто его понимает, — я тоже его знаю.

Юйфу, конечно, спросил, кто это. Собеседник ответил: Никто иной, как внук богатого нанкинского купца Цзинь Чжунмина — Цзинь Шиань.

Этот человек был театральным импресарио. Он был мастер по части сплетен и закулисных историй. Расположившись поудобнее, он начал рассказывать: Руководитель труппы Чунхуа по фамилии Чжан — ее отец тоже был известным человеком, выступал при дворе, получал жалование. Настоящая династия актеров. Но к поколению этой девицы слава померкла, и она переехала из Бэйпина в Нанкин. Та самая госпожа Чжан, что когда-то пела кунью в театре на Цайшикоу, — это она.

Юйфу кивнул: Неудивительно, что он так хорошо поет, сразу видно — школа.

Да толку-то? Голос сорвался, и она опустилась до того, что стала содержать мальчиков в переулке Дяюй. Вот и купила этого Бай Лушэна, специально выучила его для утех. С детства воспитывала как девочку, даже имя дала девичье — Бай Юйцзе. Смешно, правда?

Юйфу прикрыл рот рукой, скрывая усмешку.

Импресарио хлопнул себя по колену: На самом деле это печально. Ребенок пяти-шести лет, сирота, проданный в рабство. Но видно, судьба у него такая. Еще до того как настало время выступать на публике, он начал выступать в театре Дэюэтай. И надо же было так случиться, что он приглянулся молодому господину Цзиню. Тот дал ему имя Бай Лушэн, выкупил его из этого притона, и теперь он просто выступает в труппе. Какая между ними связь — нужно ли объяснять? Он не хочет ехать в Бэйпин, скорее всего, потому, что привязан к этому господину Цзиню.

Об этом знали все в Нанкине. Как Дун Сяовань была связана с Мао Пицзянем, как Ли Сянцзюнь — с Хоу Фанъюем, так имя Бай Лушэна было неразрывно связано с именем Цзинь Шианя.

Таланты создают красавиц, богачи создают звезд. В театральном мире привыкли к тому, что актеры влюбляются в своих покровителей. Юйфу, пробыв в Нанкине недолго, просто не успел об этом узнать. Он был удивлен, но не испытывал презрения. Вспоминая искренний взгляд Бай Лушэна, он подумал: Вот оно что. А мне показалось, что это не из-за денег или власти, а по искреннему чувству. Видимо, молод еще, жизни не видел, вот и попал в сети.

Импресарио рассмеялся: Не просто чувства, они так близки, что готовы хоть сейчас под венец! На его спектакли господин Цзинь обязательно приходит. Если господина Цзиня нет, Бай Лушэн и вполсилы не выкладывается. А у нас в Бэйпине, будь ты хоть какой звездой, если работаешь в нашем деле — обязан улыбаться всем гостям! Вот и говорят, что южане ничего не смыслят: такой капризный, а ему все потакают! Слушать его пение — как ждать милости от богини Гуаньинь, и все зависит от настроения молодого господина Цзиня! — Он хлопнул Юйфу по плечу. — Не жалея, этот Бай — человек без амбиций, не хочет пробиваться наверх, а хочет быть просто содержанкой. Не стоит он того, чтобы быть твоим учеником.

Яо Юйфу, выслушав его, призадумался и покачал головой: Ты ошибаешься. Я вижу, что он станет выдающимся мастером женских ролей.

Импресарио удивился: То, что он хорошо поет, я знаю. Но чтобы стать выдающимся, ему до тебя и господина Мэя еще как до луны! К тому же он думает только о чувствах, не думает о будущем, работает спустя рукава — как он добьется успеха?

Юйфу улыбнулся: Сколько лет ему, а сколько нам? Ты говоришь, что он живет чувствами, а я скажу — именно в этом его сила. В нашем деле те, кто достигает вершин, либо обладают железной хваткой, как мой старший брат: вышел на сцену — стал персонажем, ушел — забыл обо всем. Это мастерство, которому нам не научиться. А есть другие — те, кто рожден чувствовать. Для них сцена и жизнь — одно и то же. Они поют, отдавая всю душу, до самозабвения, и в этом есть особая магия. Поверь мне, слушатели не глухи и не слепы, они отличат золото от подделки. И если южане готовы его носить на руках, то в Бэйпине он вполне мог бы потягаться даже со мной и моим братом!

Собеседник опешил: Выходит, я его недооценил.

Юйфу чувствовал, что его слова были справедливы. Вспоминая чистый, пронзительный голос Бай Лушэна, его изящные движения, он понимал: тот, кто играет Ду Линян так, что веришь в жизнь и смерть, и Гуйфэй так, что луна прячется от стыда — это не просто красота и техника. Это страсть. Юйфу кивнул: Он еще ребенок, мы с ним чужие люди, мне нет смысла его превозносить. Ты говоришь, что он ленился, но я видел его технику — она безупречна, сразу видно, что он не пропускает ни дня тренировок. Прав я или нет — подожди десять лет, и увидишь.

Он был мастером, умеющим видеть людей. И правда, не прошло и двух лет, как Бай Лушэн прославился на всю страну. Насколько? Трудно сказать. Скажем так: нанкинцам приходилось терпеть все его капризы. Если господина Цзиня нет в городе, Бай Лушэн мог неделями не открывать театр. Хочешь послушать — иди к стене его дома на улице Жунчжуан и слушай, как он распевается.

Эта капризность была беспрецедентной, но люди странны: чем больше он ломался, тем больше ему потакали. Не то чтобы в Нанкине не было других актеров, просто никто не пел так искренне. На сцене он был живой Ду Линян, стоило ему появиться и запеть, как все капризы забывались, и зал погружался в экстаз.

После него слушать других было все равно что после изысканного блюда есть пустую похлебку.

Умонастроение Нанкина было сложным и тонким. Считая себя древней столицей, он свысока смотрел на Бэйпин и Тяньцзинь, но постоянные войны подорвали его дух. Нанкин часто был столицей, но всегда — бывшей. Когда в эпоху Республики его снова сделали столицей, нанкинцы воспрняли духом, но в их гордости всегда сквозила печаль былого величия.

В то время в стране царила пекинская опера, но нанкинцы не хотели расставаться с куньюй. Они считали ее утонченной, ведь она шла от Тан Сяньцзу и Ли Сюаньюя. В ней слышалась печаль реки Циньхуай, которую не могли заменить барабаны и гонги пекинской оперы. Бай Лушэн, мастер куньюй, стал символом этого города. Его пение и капризы идеально резонировали с душой города, который всегда чувствовал себя лишь тенью былого величия.

Как и город, он был прекрасен и горд.

Поэтому, как бы он ни капризничал, нанкинская знать была готова платить. К тому же, вне сцены он не был высокомерным. Даже если господина Цзиня не было в городе и он отказывался петь, он всегда вежливо говорил: Простите, сегодня голос подвел, не хочу заставлять вас ждать. Как только поправлюсь, спою все, что пожелаете.

Что тут скажешь? Господин Бай — как полная луна над рекой Циньхуай. Разве луна бывает полной каждый день?

Чтобы любоваться луной, нужно дождаться пятнадцатого числа. В этом и заключается истинный вкус.

Все драматические фигуры появляются внезапно и так же внезапно исчезают. Яо Юйфу предсказал его взлет, но не предсказал падение. Как нежная слива в феврале, Бай Лушэн расцвел рано и так же быстро увял. В двадцать один-двадцать два года, на пике славы, он вдруг исчез.

Никто не знал, что случилось. Одни говорили, что он прогневал старого господина Цзиня, и ему сломали руку, другие — что он пристрастился к опиуму и сорвал голос.

Слухи ползли полгода. Но еще до того, как они утихли, появились новые, еще более шокирующие: Бай Лушэн зарезал господина Цзиня.

Поначалу никто не верил, но потом это стало походить на правду. Господин Цзинь не

появлялся на людях почти месяц, пропустил торжества торговой палаты — чего никогда раньше не бывало.

Слухи множились, обрастая нелепыми деталями. Когда сплетня обошла весь Нанкин тридцать раз, она, как мутная вода после ливня, осела, оставив лишь горький осадок правды: господина Цзиня действительно ранили.

Он точно был ранен, иначе председатель торговой палаты не пропустил бы открытие нового банка. Но он, должно быть, не умер, иначе уже начались бы похороны.

Бай Лушэн тоже исчез. Если бы не это покушение, о нем бы уже давно забыли.

Бесчисленные праздные глаза были прикованы к черным деревянным воротам дома господина Бая.

Ворота были заперты.

Если бы у этих глаз были крылья, они бы перелетели через стену, через заросший жимолостью двор и опустились бы на кушетку в западном флигеле.

Главный герой, молодой господин Цзинь Шиань, полулежал на кушетке и ел жидкую рисовую кашу.

Он выглядел мягким, статным, его руки не знали мозолей, взгляд был ясным — сразу видно, богач из золотой колыбели. Только из-за ранения он был бледен, а глаза бегали по сторонам с каким-то странным беспокойством.

В общем, его взгляд не соответствовал его облику, а манеры за едой оставляли желать лучшего — он просто уткнулся в миску.

Управляющий Чжоу Юй, стоявший рядом, не выдержал и вытер пот: Молодой господин, скажите хоть слово! Снаружи слухи становятся все страшнее, старый господин рано или поздно узнает, что нам делать?

Цзинь Шиань закатил глаза, думая: Откуда мне знать, что делать? Дайте поесть спокойно!

Чжоу Юй, видя, что тот молчит, снова вытер пот: Газеты всю трубят об этом, если вы не появитесь, боюсь, должность председателя торговой палаты будет потеряна.

Цзинь Шиань облизал ложку. Какое мне до этого дело?

Чжоу Юй подумал: Боже мой, молодой господин, вы что, с ума сошли? Шесть дней как очнулись — только едите да спите, на все вопросы отвечаете: Дай подумать.

Рискуя навлечь гнев, он дрожащим голосом спросил: Молодой господин, простите за дерзость, но неужели вы ничего не помните?

Цзинь Шиань доел кашу и довольно кивнул.

Все верно, я ничего не помню.

Лицо Чжоу Юя побелело, он пошатнулся и чуть не упал в обморок.

Как же так? — он упал на колени, обливаясь слезами. — Молодой господин, нельзя так шутить! Мы же все погибнем!

Я не шучу, потому что я попал сюда из другого времени.

Цзинь Шиань смотрел на рыдающего управляющего и думал: Я, глава группы Хайлун, попал из двадцать первого века в этот богом забытый Китай эпохи Республики, мне самому не по себе, а ты тут еще рыдаешь!

Глава 2. Гибискус

Каша была съедена, миска вылизана, а управляющий Чжоу все продолжал рыдать. У Цзинь Шианя разболелась голова.

Хватит ныть! У меня просто амнезия, а не смерть. Ты что, меня хоронишь?

Управляющий Чжоу мгновенно замолчал.

Это был совсем другой человек. За все время, что он знал молодого господина, тот ни разу не выругался.

Цзинь Шиань понял, что сболтнул лишнее, и попытался сменить тон: Нет, дядя Чжоу, слезами горю не поможешь, верно? Сейчас главная проблема в том, что я голоден. Принеси-ка мне еще поесть.